

Кто говорит, не слушая — нем.

А потому, Постоянный Читатель, эта последняя книга цикла «Темная башня» посвящается вам.

Долгих дней и приятных ночей.

Как, не видать?! Ее укрыла ночь?
Не верю! День уж занялся и сгинул,
Закат лучи последние низринул
На горы и холмы, и сумрак хлынул
Мне в очи, что узрели беспорочь:
«Конец творенья — миру не помочь!»

Как, не слышать?! Но воздух полнит звук,
Он нарастает, как набат над битвой,
Он полнит звоном, громом все вокруг,
И имена товарищей забытых,
Что шли со мной, мне называет вдруг.
О, храбрецы! Потеряны, убиты!*

Роберт Браунинг
«Чайльд-Роланд дошел до Темной Башни»

Я рожден был
С «кольцом» в руке,
С ним и в землю уйду,
В пепел и прах.
«Бэд компани»**

Кем я стал?
Мой милейший друг
Кого я знаю
Все уходят в конце
Ты можешь всем владеть
Моей империей грязи
Я подведу тебя
Я причиню тебе боль
Трент Резнор***

* Перевод Наны Эристави.

** «Бэд компани» — песня одноименной английской рок-группы, созданной в 1973 г.

*** Резнор Трент (р.1965) — американский поэт, композитор, певец.

Часть 1

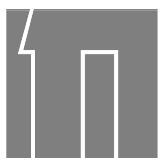
Маленький Алый Король

Дан-тетте

Глава 1

Каллагэн и вампиры

1

реподобный Дон Каллагэн когда-то был католическим священником в городке Салемс-Лот, более не отмеченном ни на одной карте. Его это особо не волновало. Такие понятия, как реальность, потеряли для него привычное всем значение.

И теперь бывший священник держал в руке языческий амулет, черепашку, вырезанную из слоновой кости. Со сколом на носу и царапиной, похожей на вопросительный знак, на панцире, но все равно прекрасную.

Прекрасную и *могущественную*. Он чувствовал идущие от нее энергетические импульсы.

— Какая прелесть, — выдохнул он, обращаясь к стоящему рядом мальчику. — Это Черепаха Матурин? Она, не так ли?

Мальчика звали Джейк Чеймберз, и ему пришлось пройти долгий путь, чтобы вернуться практически в исходную точку, сюда, на Манхэттен.

— Не знаю, — ответил он, — она называет ее *skoldpadda**, и черепашка, возможно, нам поможет, но ей не убить охотников, которые ждут нас там, — и мотнул головой в сторону «Дикси-Пиг», гадая, подразумевал ли Сюзанну или Миа, когда использовал местоимение *она*. Раньше сказал бы, что это не имеет ни-

* Skoldpadda — черепаха (*шв.*).

какого значения, очень уж тесно переплелись обе эти женщины. Теперь полагал, что разница есть, или скоро проявится.

— Ты будешь? — спросил Джейк отца Каллагэна, сведя в два слова вопросы: «Ты будешь стоять насмерть? Сражаться? Убивать?»

— Да, — спокойно ответил тот, убрал черепашку, вырезанную из слоновой кости, с мудрыми глазами и поцарапанным панцирем, в нагрудный карман, где лежали запасные патроны к пистолету, заткнутому за пояс. Похлопал по карману, чтобы убедиться, что изящная вещица попала в положенное ей место. — Я буду стрелять, пока не закончатся патроны, а если они закончатся до того, как меня убьют, буду дубасить их... рукояткой пистолета.

Запинку, очень короткую, Джейк и не заметил. Но, пока отец Каллагэн молчал, с ним говорила Белизна. Сила, знакомая ему с давних пор, возможно, с детства, пусть были в его жизни несколько лет, когда вера дала слабину, когда понимание этой первоначальной силы ушло в тень, а потом исчезло вовсе. Но те дни канули в Лету, Белизна вновь пребывала с ним, и он говорил Господу: «Спасибо Тебе».

Джейк кивал, что-то отвечая, что именно, Каллагэн не разобрал. Впрочем, сказанное Джейком он мог пропустить мимо ушей. В отличие от слов, произнесенных другим голосом, голосом чего-то

(Гана)

слишком великого, чтобы называть его Богом.

Мальчик должен пройти, — сказал ему голос. — Что бы тут ни случилось, какой бы оборот ни приняли события, мальчик должен идти дальше. Твоя роль в этой истории практически завершена. Его — нет.

Они миновали хромированный стенд с надписью ЗАКРЫТО НА ЧАСТНУЮ ВЕЧЕРИНКУ. Ыш, ближайший друг Джейка, трусил между ними, подняв голову, демонстрируя зубастую улыбку. У самых дверей Джейк сунул руку в плетеную сумку, которую Сюзанна-Мио прихватила из Кальи Брин Стерджис, и достал две тарелки — рисы. Стукнул друг о друга, кивнул, услышав глухой звук, повернулся к отцу Каллагэну:

— Давай поглядим, что есть у тебя.

Каллагэн вытащил «ругер», который проделал с Джейком весь долгий путь, начавшийся в Калье Нью-Йорк, и теперь вернулся

в этот город; жизнь — колесо, и мы все говорим: «Спасибо Тебе». Вскинул его, как дуэлянт, стволом к правой щеке. Коснулся нагрудного кармана, оттопыренного, с патронами и черепашкой.

Джейк кивнул.

— Как только войдем, остаемся рядом. Всегда рядом. Ыш — между нами. Входим на счет «три». И начав, не останавливаемся. Ни на мгновение.

— Ни на мгновение.

— Точно. Ты готов?

— Да. И пребудет любовь Божия с тобой, мальчик.

— И с тобой тоже, отец. Раз... два... три.

Джейк открыл дверь, и они вошли в сумрачный свет и сладкий, дразнящий запах жарящегося мяса.

2

Джейк шел навстречу смерти, в этом он нисколько не сомневался, помня две истины, которыми с ним поделился Роланд Дискейн, его настоящий отец. Одна: «Пятиминутные битвы рождают легенды, живущие тысячелетия». Вторая: «Тебе нет нужды умирать счастливым, когда придет твой день, но ты должен умереть со спокойной совестью, зная, что прожил жизнь от начала и до конца, и всегда служил ка».

Джейк взирал на обеденный зал «Дикси-Пиг» со спокойной совестью.

3

И с кристальной ясностью. Его восприятие окружающего мира до того обострилось, что он ощущал запах не только жарящегося мяса, но и розмарина, который в него втерли; слышал не только свое спокойное дыхание, но и шепот крови, поднимающейся по шее к мозгу, а потом сбегаящей к сердцу.

Он также помнил слова Роланда о том, что даже самая короткая битва, от первого выстрела до падения последнего тела, кажется долгой для ее участников. Время обретает эластичность; растягиваясь, истончается до полного исчезновения. Джейк тогда кивал, будто ему все ясно, хотя не очень-то понимал, о чем речь.

Теперь понял.

Первой мелькнула мысль: их много... слишком, чересчур много. По первым прикидкам — под сотню, в большинстве те, кого отец Каллагэн называл «низшими людьми» (речь шла не только о мужчинах, но и женщинах, принципиального отличия Джейк тут не видел). Среди них встречались другие, статью пожиже, некоторые совсем худые, как клинки папир, с землистым цветом лица, окруженные тусклой синей аурой, не иначе, вампиры.

Бш держался рядом с Джейком, маленькая лисья мордочка напряглась, он тихонько поскуливал.

Пахло, конечно, жарящимся мясом, но не свиной.

4

«В любой момент, пока будет такая возможность, между нами должно быть десять футов, отец», — так наставлял его Джейк на тротуаре у «Дикси-Пиг», поэтому, когда они приближались к стойке метрдотеля, Каллагэн сдвинулся вправо на положенное расстояние.

Джейк также велел ему кричать во весь голос, как можно громче и дольше, и Каллагэн уже открыл рот, чтобы выполнить и этот приказ, когда вновь услышал голос Белизны, который произнес одно только слово, но больше и не требовалось.

Skoldpadda.

Каллагэн по-прежнему держал «ругер» у правой щеки. Теперь его левая рука нырнула в нагрудный карман. И хотя взгляду преподобного не доставало той предельной четкости, с какой воспринимал происходящее его юный спутник, Каллагэн тоже видел предостаточно: оранжево-алые электрические факелы по стенам, свечи на каждом столе в ярко-оранжевых, цвета хэллоуинских тыкв, стеклянных сосудах, накрахмаленные салфетки, поблескивающие в неровном мерцающем свете. Левую стену обеденного зала украшал гобелен: рыцари и их дамы пировали за длинным столом. А царящая в зале атмосфера свидетельствовала о том, что гости «Дикси-Пиг» (Каллагэн, конечно, не мог знать истинной причины, не мог сказать, какие именно факторы привели их в такое состояние) приходили в себя после не-

коего волнительного события, скажем, маленького пожара на кухне или автомобильной аварии на улице.

Или рождения ребенка, — подумал Каллагэн, когда его пальцы сомкнулись на черепашке. — *Самое оно, чтобы заполнить паузу между закуской и основным блюдом.*

— А вот идет ка-маи Гилеада! — прокричал взволнованный, нервный голос. Не человеческий, Каллагэн в этом, можно сказать, не сомневался. Слишком уж скрипучий, чтобы быть человеческим. И в дальнем конце комнаты разглядел чудовище, эдакого гибрида птицы и человека, в прямых джинсах и простой белой рубашке, над воротником которой торчала голова в темно-желтых перышках. А блестящие глазки напоминали капли расплавленного гудрона.

— Взять их! — приказала эта отвратительно-нелепая тварь и отбросила салфетку. Под ней оказалось оружие. По предположению Каллагэна, из арсенала армий будущего, вроде того, что можно увидеть в сериях «Стар трека». Как оно называлось? Фазер? Станнер?

Какая разница. Эти игрушки не шли ни в какое сравнение с оружием Каллагэна, и ему хотелось, чтобы все увидели, что он может противопоставить птицетвари. Вот он и смахнул с ближайшего стола приборы, тарелки, сосуд со свечой, жестом фокусника сдернул скатерть. Недоставало только в столь критический момент зацепиться ногой за полотно и упасть. А затем с легкостью — неделей раньше не поверил бы, что такое возможно, — вскочил сначала на стул, потом на стол. И тут же вскинул над головой руку с черепашкой, держа ее за нижнюю, плоскую часть панциря, чтобы все присутствующие могли хорошенько ее разглядеть.

Пожалуй, я мог бы им еще и спеть, — подумал он. — *Может, «Лунный свет тебе к лицу» или «Я оставил сердце в Сан-Франциско»**.

С того момента, как они переступили порог «Дикси-Пиг», прошло ровно тридцать четыре секунды.

* «Лунный свет тебе к лицу» и «Я оставил сердце в Сан-Франциско» — популярные песни начала 1960-х годов, соответственно Уилли Нельсона (р. 1933) и Тони Беннетта (р. 1926).